

Михаил АНОХИН

ПИСЬМА К ДРУГУ (ЧЕРЕЗ ГОДЫ)

После долгого перерыва, вызванного, как всегда, не столько душевной ленью, сколько необходимостью хотя бы малого приложения физических и умственных сил для воплощения в слово (письменное), то что мыслилось и, главное, чувствовалось в своей дословесной глубине.

И вот повод – твоя поэзия – появился. Это приободрило меня так, как старой кавалерийской лошади придают известную прыть шенкеля. И я поскакал. Но по порядку.

I

Прочитал твои стихи в журнале «Огни Кузбасса» и скажу откровенно – сильные стихи, мастеровито сделаны и, конечно же, искренне правильные.

Да иначе и быть не могло, потому как коренные мы, сибиряки.

Прочитал и прозу твою, точнее публицистику «Матушка-земля» – размышления по прочтении очерков Анатолия Байбородина.

И тоже мысль о русском языке правильная, ибо пока есть русский язык, есть и Россия, объединяющая в себе и собой разные этносы.

Вот тут идут споры о том, что-де в конституции не упоминаются русские, что у всех иных и прочих народов есть своя национальная территория, а у русских её нет. Ну и так далее.

А в ум не возьмут, что всё государство, не какое иное, а Российское, а ведь совсем недавно русских называли россами.

Вспомни известное стихотворение Державина на взятие турецкой крепости Измаила, ставшего гимном:

*Гром победы раздавайся!
Веселися, храбрый Росс!
Звучной славой украшайся:
Магомета ты потрѣс...*

Возвращаясь к русскому языку, я всё-таки надеюсь, что фонетический строй и синтаксис сумеют переработать весь этот вал иностранщины, как уже бывало в истории нашего языка с тюркизмами, франко-германскими языковыми вбросами.

Ядро языка скрыто в мышлении, то есть в том мраке до языкового оформления мысли. Мы в практике имеем дело с мыслью, которая перешагнула языковой порог и стала явленной, то есть осознанной и запросилась на волю, то есть запросилась выразить себя фонетически.

Однако пока в общем и целом видна забота о форме языка, а о сути, о глубине мало думают.

То есть о самом главном, о матрице русской души, о том, на каком языке мы описываем мир, каким языком мы выражаем свои чувства не вовне, то есть не в форме произнесённого, а в глубине доформенного их переживания и осмысления.

То есть о том, что происходит в темноте и беззвучии нашего мозга, откликающегося на душевно-духовные состояния человека.

Нет должного понимания о духе, хотя великое множество слов производных от этого понятия.

Что-то очень похожее на то, как бы была материальность (духовность), а материи (духа) не было бы.

Забота о русском языке принимает, на мой взгляд, нечто такое, что присуще сейчас нашей церкви – обрядоверие. По сути дела, это следствие всепроникающей бациллы юридизма.

Если вы хотите угробить живое дело, то доверьте это юристу. Никто лучше, чем он, не сможет убить живое и забальзамировать труп в форму закона.

Думается мне, многие, не понимая всей глубины языковой структуры, пытаются обойтись внешним обрядовым действием по отношению к русскому языку. И вообще к любому иному языку!

Особенно это видно в правописании, так как первое, о чём начинают разговор, так это о запятых и точках и, конечно же, о беглых гласных и прочей орфографии.

Так обрядовер искреннее считает, что если он правильно выберет икону и поставит перед ней толстую сторублёвую свечу, то желаемое сбудется. А уж если посетил Афон, то сразу и свят! Ну как мусульманин – прикоснулся в Мекке к Каабе – всё, святой!

153

Ещё раз повторю: русский язык – это мировидение, или мирописание, если угодно – мировоззрение и мирочувствие, и это всё скрыто в доязыковой темноте нашего мозга.

Вот эту матрицу, эту структуру можно называть как угодно, но она есть как факт, как особенность работы мозга и об этом очень хорошо доступно и понятно говорит в своих лекциях Татьяна Черниговская – российский нейролингвист и экспериментальный психолог, доктор филологии и биологии, член-корреспондент Норвежской академии наук.

А тебе огромное спасибо за доставленное удовольствие от стихов и от этого очерка.

Пока плачет душа – ничего не сделается русскому языку, а это означает, что российская государственная матрица будет воспроизводить одно и то же: русское, шире – российское государство. Плохо, что пока что только плачет. Плачет и не ведает причин своих слёз.

Всего доброго.

II

Ты пожаловался на то, что в России стало слишком много «мыслящих по-другому».

Что ж ты хочешь? С запада пришло к нам новое «евангелие», и мы поклонились ему. Я сам был адептом его и с придыханием в голосе вещал что-то о правах человека, совершенно забыв, что их не бывает без обязанностей.

Слава Богу, пришло озарение, что это – сатанинский тезис, действующий как едкий натр на биологическую основу жизни. Но как же привлекательно было следовать этому «евангелию»! Как всё откликалось в моём нутре на его призывы!

И сила сатанинская как раз, дрогой мой друг, обращается к самому нутрянному, что только есть в человеке!

Успокойся, таких – «мыслящих по-другому» станет ещё больше! И они будут разнузданно-агрессивные. И не оставят места для тех, кто мыслит иначе!

О, не сомневайся – они придут не расслабленные и безвольные, поражённые вирусом толерантности. Нет, они будут решительными, смелыми и, главное, не стеснёнными в средствах!

Что касается твоего редактора, так не всякий названный редактором и есть редактор, как не всякий поименованный и даже (с корочками СП России) есть поэт.

Тобой приведённые стихи соответствуют канонам русской литературы, которая допускает и неточные рифмы, и рифмы глагольные, и пропуски ударных слогов. Но если всё это оправданно сверхсмысловым содержанием, без чего нет поэзии.

Что касается знаний, того, чем и как пишет поэт: анапестом или хореем, это относится не к поэту, а к последующему анализу стиха.

Анализ, конечно, показывает состав и компоненты анализируемого, но убивает в нём жизнь.

«Поэзия – искусство речи, которая умеет не нарушить говорящего молчания, потому что даёт слово именно ему. Благодаря слову поэзии и мысли простор тишины, место мира как-то ещё присутствует в информационную эпоху, когда кажется, что дело мира окончательно проиграно и всё захвачено механическим разглашением.

Выбор между ловким и неловким словом – не первый и не главный в так называемой работе с текстом. Более важный выбор проходит между молчанием и словом, то есть риском так или иначе задеть истину» (В. В. Библихин. Слово и событие. Писатель и литература. М., 2010).

Прочитай И. М. Бахтина «Эстетика словесного творчества».

Даже в точных науках всякому знанию предшествует интуитивная убеждённость, что ЭТО (нечто) ТАК и не иначе.

«Когда вы убедитесь, что теорема верна, вы начинаете её доказывать». (Пойа – математик.)

Настоящий поэт ещё на уровне до-сознания (в молчании полного смысла!) отбирает и сортирует слова.

«Немецкий писатель-экспрессионист Г. Бенн назвал свою автобиографию «Двойная жизнь», подчёркивая нетождество «жизней» двух фигур – себя как индивида и себя как автора.

«Легко усмотреть, что обе описанные антиномии доходят до особенной остроты в сфере лирики, но отнюдь ею не ограничиваются» (С. Аверинцев).

Так что можешь сколько угодно «мыслить по-другому», но останется в истории русской литературы, до тех пор, пока есть русский язык, только то, что помаслено «правильно» (близко к истине).

А истина заключена в самом строе языка, в его звуках и ритме. Ведь недаром же божественный логос отождествляют с языком! И, конечно же, Иисус Христос призывал к себе, ибо он и есть истина, делающая человека свободным.

«Всякое стихотворение – это реорганизованное время, – писал Бродский, – и чем более поэт технически разнообразен, тем интимнее его контакт со временем, с источником ритма».

Что касается «любящих масс», то ещё Джон Элиот сказал: «Чтобы нравиться одному, надо в миллион раз больше, чем для того, чтобы нравиться миллиону».

Не много ума и таланта надо для того, чтобы удержать толпу (публику) в состоянии экстаза (эйфории). Сужу по опыту чтения собственных стихов в аудиториях и, главное, по обширной практике общения с десятками тысяч людей во время шахтёрского бунта. Чем больше толпа – тем легче.

Всего тебе доброго.

III

Изменяется язык – меняется и душа народа. Исчезает язык – исчезает народ.

Национализм малых народов – явление обожествлённое, и даже вполне понятно, отчего прибалты насаждают свой язык.

К сожалению, мир устроен и жёстко, и жестоко. Он не любит благодушных.

Что касается русских, то это всё-таки не народ в том смысле, что русский не является чисто славянским этносом.

Меня всегда завораживает перечень племён, вошедших в состав Киевской Руси, – более пяти десятков! При этом тогдашняя русско-киевская элита была двуязычной. То есть владела, помимо своего – славянского (с его диалектами), ещё и тюркским.

Эта способность (особенно женщин) принимать в своё лоно чужие этносы и создавала то первоначальное ядро русскости.

Русский народ был и остаётся пока ещё «клеем», который склеивает все народы в единую общность – российский народ. Если этот клей отвердеет, такое может быть, то есть замкнётся на себе, – это будет катастрофой для России.

К сожалению, этого не понимают и к этому даже призывают недалёкие люди, которые требуют некоего особенного статуса для русского этноса, которого на самом деле давно нет!

Есть народ России, говорящий на общем русском языке. Русские давным-давно растворены в массе всех этих чувашей, мордвы, челдонов, кержаков, марийцев, финнов, угров, шорцев, алтайцев и так далее.

Уже чётко обозначен даже русский еврей, о чём хорошо сказал Пихнос Полонский в своих лекциях.

Кто пытается выделить из всего этого «чистое славянское золото», тот мало что смыслит в истории вопроса, да и вообще в истории.

Душа русского человека атакована со всех сторон, русский человек (ну так себя позиционирующий) разорван внутри себя. Он не цельный, а мечущийся субъект между желаниями эвдемоническими и православной аскетикой.

Русский человек находится в положении жестокой прелести, и нет никакой принципиальной разницы (духовной) между шахтёром и банкиром. Возможности разные.

Нет разницы между тем, кто вырастил урожай на своём огороде и вышел с ним на рынок, и тем, кто торгует привозным. Оба хотят одного – продать как можно дороже!

Шахтёр хочет получить за свой труд большее вознаграждение.

А владелец шахты снизить свои расходы на всё, начиная от средств техники безопасности до налогов и зарплаты.

В мире, измеряемом прибылью, все (решительно все) – порченные! Здоровых людей найти невозможно! Разве что в глухих сибирских деревнях – этих заповедниках подлинной русской души.

Разница только в том – один осознает, что он «порченный», другой даже возмущается, когда ему ткнут в глаз – «порченный»!

Одни пытаются себя очеловечить – другие стоят в гордой позе: «А чё? Рази я не человек, что ли?».

Как сказано: «Греху в этом мире быть! Но горе тому, через кого этот грех приходит в мир».

Всего доброго!

IV

Вот ты пишешь мне: «Смотрю, всё воюешь?! В последнее время часто у тебя встречаются мысли о том, что мир заполнили графоманские стихи... Может, и прав, только вот кто и как определяет, где поэзия, а где туфта? Кто вправе судить? Берёшь ли ты на себя такую смелость с уверенностью, что истина на твоей стороне? Я вот никогда не рискну... При нашей-то жизни мы не раз становились свидетелями, как одного и того же то перевозносили до небес, то смешивали с грязью. Это с одной стороны... С другой же, на вкус и на цвет... И чем сильнее личность, тем

155

субъективное мнение... Ну не существует «истины в последней инстанции»... Наиболее справедливым судьёй – время, хотя и там, в каждом времени, свои махинаторы и интерпретаторы. Ох нелёгкий это вопрос и к тому же неблагоприятный...»

Дорогой мой!

Тут нет ничего сложного на самом деле. Есть русская, шире – православная культура, и она – женщина нравственная.

Иначе сказать, она есть эстетика и этика в одном «флаконе», и вот эту-то незыблемость её духовной основы пытаются заменить новыми ценностями, сформулированными в смысловом ядре течения **ню-эйдж**.

Мы пока что умеем только страдать по утра- те корней, и наиболее тонкие натуры – писать стихи или вот такую публицистику, которой про- низаны очерки так полюбившегося тебе автора из Красноярска.

Знаний мало, и поэтому мало осознанных действий, направленных против течения, или «бегства к пропасти». Тут, пожалуй, и кавычки излишни.

А надо бы самым тщательным образом проче- тать книжки этого сатанинского культа, ибо сделано злое дело не просто коварно, но на вы- соком интеллектуальном уровне, даже изящно!

Конечно, есть в России, как не быть! Люди с мощным интеллектом, которые вскрывают эти «консервы» скальпелем разума и показывают, какие черви в них приготовлены для российского народа.

Но это люди нераскрученные, да и тексты их не доставляют радости и восторга, а напротив, как всякая правда – гнетут.

Поэтому дело их, а следовательно, всех «плакальщиков» и «стональщиков» проиграно. Будущее за теми, кто идёт по жизни приплясы- вая. Потому что Бог «истёк под нашими ножа- ми»!

И что остаётся, если нет Бога?

«Этот венец смеющегося, – говорит персонаж трижды оболганного Ницше, – этот венец из роз, – я сам возложил на себя этот венец, я сам признал священным свой смех. Никого другого не нашёл я теперь достаточно сильным для этого».

Теперь и действительно, где найти сильного, чтобы стоять в этом обезбоженном мире? Нужно

сойти с ума или войти в смех! И там, в смехе, утонуть, погрузиться и наполнить лёгкие смехом, чтобы можно было дышать.

Вспомни, друг мой, как мы дружно смеялись над персонажами Хазанова, а ещё раньше – Райкина? Какой смех раздирал нас от других шу- тов этой сатанинской сцены? Но задолго до это- го сказано было:

«Заратустра танцор, Заратустра лёгкий, ма- шущий крыльями, готовый лететь, манящий всех птиц, готовый и проворный, блаженно-легко-го- товый. Заратустра вещий словом, Заратустра вещий смехом, не нетерпеливый, не безуслов- ный, любящий прыжки и вперёд, и в сторону; я сам возложил на себя этот венец! Возносите сердца ваши, братья мои, выше! всё выше! И не забывайте также и ног! Поднимайте также и ноги ваши, вы, хорошие танцоры, а ещё лучше – стой- те на голове!»

Именно те, кто сейчас стоят на голове, дик- туют нравственные и моральные ценности! А кто по-прежнему пытается стоять на ногах, у тех кру- жится голова и начинается тошнота.

Их рвёт жизнью. Жизнью, из которой исчез Бог. Хорошо ещё если местами осталась его оболочка в виде церкви, как напоминание о нём.

Кто не в состоянии переносить ежедневную рвоту, кончают жизнь самоубийством. Но многие привыкают. Привыкают и улыбаются как душев- нобольные в скорбном доме.

V

«Слышали ли вы о том безумном человеке, который в светлый полдень зажгёт фонарь, вы- бежал на рынок и всё время кричал: «Я ищу Бо- га! Я ищу Бога!».

Поскольку там собрались как раз многие из тех, кто не верил в Бога, вокруг него раздался хохот.

– Он что, пропал? – сказал один.

– Он заблудился, как ребёнок, – сказал дру- гой. – Или спрятался? Боится ли он нас? Пустил- ся ли он в плавание? Эмигрировал?

Так кричали и смеялись они вперемешку.

Тогда безумец вбежал в толпу и пронзил их своим взглядом.

– Где Бог? – воскликнул он. – Я хочу сказать вам это! Мы его убили – вы и я! Мы все его убий- цы! Но как мы сделали это? Как удалось нам вы-

пить море? Кто дал нам губку, чтобы стереть краску со всего горизонта? Что сделали мы, оторвав эту землю от её солнца? Куда теперь движется она? Куда движемся мы? Прочь от всех солнц? Не падаем ли мы непрерывно? Назад, в сторону, вперёд, во всех направлениях? Есть ли ещё верх и низ? Не блуждаем ли мы словно в бесконечном Ничто? Не дышит ли на нас пустое пространство? Не стало ли холоднее? Не наступает ли всё сильнее и больше ночь? Не приходится ли среди бела дня зажигать фонарь? Разве мы не слышим ещё шума могильщиков, погребаящих Бога? Разве не доносится до нас запах божественного тления? – и Боги истлевают! Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили! Как утешимся мы, убийцы из убийц! Самое святое и могущественное Существо, какое только было в мире, истекло кровью под нашими ногами – кто смоет с нас эту кровь? Какой водой можем мы очиститься? Какие искупительные празднества, какие священные игры нужно будет придумать? Разве величие этого дела не слишком велико для нас? Не должны ли мы сами обратиться в богов, чтобы оказаться достойными его?

Никогда не было совершено дела более великого, и кто родится после нас, будет, благода-

ря этому деянию, принадлежать к истории высшей, чем вся прежняя история!»

Здесь замолчал безумный человек и снова стал глядеть на своих слушателей; молчали и они, удивлённо глядя на него. Наконец, он бросил свой фонарь на землю, так что тот разбился вдребезги и погас.

«Я пришёл слишком рано, – сказал он тогда, – мой час ещё не пробил. Это чудовищное событие ещё в пути и идёт к нам – весть о нём не дошла ещё до человеческих ушей. Молнии и грому нужно время, свету звёзд нужно время, деяниям нужно время, после того как они уже совершены, чтобы их увидели и услышали. Это деяние пока ещё дальше от вас, чем самые отдалённые светила, – и всё-таки вы совершили его!»

Рассказывают ещё, что в тот же день безумный человек ходил по различным церквам и пел в них свой *Requiem aeternam deo*. Его выгоняли и призывали к ответу, а он ладил всё одно и то же: «Чем же ещё являются эти церкви, если не могилами и надгробиями Бога?».

Всего тебе доброго в это недоброе время.

г. Прокопьевск

